

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 17 января 1987

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 17 de enero de 1987 No. 1903

МЫСЛИ ВСЛУХ

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Критика современных политических режимов и их учреждений полностью оправдана, ввиду их несомненных недостатков и пороков, ежедневно ощущаемых в практической жизни. Кроме того, право на критику является неотъемлемой частью политической философии, которую призваны воплощать все без исключения современные политические режимы, провозглашающие свободу мнения.

Казалось бы, что те или иные недостатки, или просто не совсем удовлетворительные результаты постоянно наблюдаемые на практике, должны бы автоматически вести к пересмотру теоретических основ действующих политических режимов. Однако, так как эти теоретические основы являются частью идеологических догм, то получается, что всякая критика политических теорий считается своего рода ересью против доминирующих идеологий. Такое подавление критики (а значит и анализа) теоретических основ действующих политических режимов ведет фактически и к подавлению серьезной критики отдельных практических проявлений и вообще всей практики этих режимов.

Получается двойной порочный круг: создается принципиальное противоречие между идеологическим провозглашением свободы мнения и критики, и практической возможностью довести эту критику до идеологических основ критикуемых явлений, а также закрываются пути для необходимых реформ и совершенствований существующих порядков, так как без углубления критики до теоретических основ, всякие реформы будут поверхностными и не эффективными. В конечном итоге, давнишнее требование академика Сахарова, научного подхода к политике, остается в силе.

Для начала такого "научного подхода", можно предложить четыре главных направления критического анализа теоретических основ современных государств:

1. Необходимость выдвижения принципа ограничения государства и ограничения государственных властей, отдавая этому принципу предпочтение перед принципом разделения властей. Государство обязано конституционно самоограничиться, как в числе своих функций, так и в объеме этих функций.

2. Необходимость различия между функциями верховной власти и власти управительной.

3. Необходимость размежевания между государством и партиями, или партией, и их идеологиями.

4. Необходимость уточнения политической терминологии. Ввиду существенных расхождений в толковании многих современных политических выражений, необходимо выработать их полные и точные определения.

И. А.

Ф. СЕРГЕЕВ

70-летие в канун 1000-летия

(П О К Н И Г Е П Р О К А И Е Р Е М И И)

В этом начинающемся 1987 году исполняется семидесятилетие падения исторического государственного строя России. Это падение повлекло за собой не только упразднение более чем тысячелетней государственной формы нашей страны, но и потерю самого ее имени, тоже десятивековой давности.

Конечно, необходимо оговориться, что это падение: 1) не было внезапным; 2) не было полным; 3) не было и не будет окончательным.

Оно не было внезапным, потому что мы сами долго его подготавливали. Началось оно с трагедии раскола, вернее с обстоятельств раскола, с его тезнических предпосылок и последствий. В предварительной технике раскола была провокация, в последствии выявилась духовная трагедия. В разгаре раскола начались необходимые для нашей страны технологические реформы. К сожалению, эти нужные технологические реформы сопровождалось ненужными политическими реформами, а также и губительными по своим последствиям реформами идеологическими. Соборность и земское самоуправление мы попытались заменить — абсолютизмом и бюрократизмом, общенародное иерархическое служение — двойной дискриминацией, через привилегии в одну сторону и закрепощение в другую. Но, самое главное, мы, частично, — но вполне конкретно — начали отпадать от наших изначальных

духовных и идейных начал: "Переменил ли какой народ богов своих, хотя они и не боги? а мой народ променял славу свою на то, что не помогает" (Иерем. 2,11). "Я насадил тебя как благородную лозу, — самое чистое семя; как же ты превратилась у Меня в дикую отрасль чужой лозы?" (Иерем. 2,21).

Так, снова произошло, что "вся земля эта будет пустынею и ужасом; и народы сии будут служить царю Вавилонскому семьдесят лет".

И за этих семьдесят лет, мы "измерзопаскостили широкие русские пространства и обезобразили сердце России, дорогую нашу Москву... Мы бестолково-неоглядно тратили наши ресурсы, истощали нашу почву, обезобразили наши просторы... помимо двух мировых войн мы потеряли от одних гражданских раздоров и неурядиц, от одного внутреннего "классового", политического и экономического, уничтожения — 66 (шестьдесят шесть) миллионов человек!!!... такой тупик и даже безнадежность в экономике... Веками Россия вывозила хлеб, перед Первой Мировой войной — по 10-12 миллионов тонн ежегодно, и вот... и мы вынуждены 20 миллионов тонн ввозить!.. Нынешняя городская жизнь, которой обречена уже половина нашего населения, совершенно противоестественна... всеми жерновками, которыми топчут... И коллективизацией. И национализацией... И помехами в промыш-

ленном развитии и перестройке технологии. И преследованием религии, очень важным для марксизма... Сегодня эта идеология уже только связывает... Она захламляет всю жизнь общества, мозги, речи, радио, печать — ложью, ложью, ложью..." (Из "Письма вождям Советского Союза", Александр Солженицын, 1973 года. "Наша Страна" № 1257, 2-4-1974).

Но, "они прелюбодействуют и ходят во лжи, поддерживают руки злодеев, чтобы никто не обращался от своего нечестия..." (Иерем. 23,14).

Но несмотря на все, падение не было полным. Россия продолжает жить. Русская культура не умерла. Сохранилась наша вера. Церковь тоже не погибла (Церковь — не иерархия, это так на Западе раньше думали). Наша наука, наша литература — тоже принадлежат России, а никак не идеологии (то, что принадлежит идеологии — не наука и не литература). А, самое главное, сохранились русские люди (русские — в смысле принадлежности России, идеи России, а не обязательно только русские по крови и по вере, так как русскость шире всякого расизма).

Так что, нельзя терять надежды: "Ибо так говорит Господь: когда исполнится вам в Вавилоне семьдесят лет, тогда я посету вас и исполню доброе слово Мое о вас, чтобы возвратить вас на место сие. Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду" (Иерем. 29, 10-11). "И будет в тот день, говорит Господь Саваоф: сокрушу ярмо его, которое на вые твоей, и узы твои разорву" (Иерем. 30,8).

Что нужно для этого?

"Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему..." (Иерем. 6,16).

Тысячелетие начала этого "пути древнего, пути доброго" Россия должна отмечать в следующем, 1988-ом, году. Таким образом, после семидесятилетия пленения, наступает тысячелетие Крещения Руси. Подготовило ли нас это семидесятилетнее пленение под ярмом социализма "обратиться от нашего нечестия", "остановиться на путях наших" и желать возврата на "пути добрые"? Это покажет ближайшее будущее.

Только возврат на наш тысячелетний "путь древний, путь добрый", возврат для его продолжения вперед, а не для того чтобы идти вспять, даст реальную историческую возможность снять все препятствия, устранить все противоречия и "даст нам будущее". В противном случае, "Я накормлю их, этот народ, польнию, и напою их водою с желчью" (Иерем. 9,15).

Дорогим братьям и сестрам благодетелям, паломникам и всем русским людям

"ХРИСТОС РОЖДАЕТСЯ — СЛАВЬТЕ,
ХРИСТОС НА ЗЕМЛЕ — ВОЗНОСИТЕСЬ!"

Вновь переживают верные великое чудо вочеловечения Бога, снова мысленно предстоят Вифлеемским яслям, славя Его снисхождение.

Из той страны, с того малого, но благословенного участка земли, где благословил Господь посетить нас, который мы зовем теперь Святой Земля — посылаем всем вам наше благословение и приветствие, поздравляем с Великим чудным Спасительным Праздником и шлем искренние пожелания милости от Новорожденного Св. Младенца.

Если благословит Господь, поведем поклониться Самому Месту Божественного Воплощения и поставим там свечу за всех вас, немогущих присоединиться к нам в эти дни; за всех, забывающих и нас грешных, кучку верующих, пытающихся уберечь то небольшое наше русское, что осталось тут с давних пор.

Мы будем стоять у Св. Яслей и петь нашего Бога, а кругом, — как и тогда в "дни Плоти" Его, люди будут спать, будут в неведении, суеверии и равнодушии к совершившемуся, к великой и светлой тайне Богоявления.

Но "не бойся", говорит Он, "малое стадо", "Вот Я с вами во все дни до скончания века". И в этой святой вере, в ожидании Его нового Пришествия да пребудем душою вместе, где бы ни были, в рассеянии (и на родине многострадальной нашей) русские люди.

Протоиерей ВЛАДИМИР СКАЛОН
Исполняющий Обязанности Начальника
Русской Духовной Миссии в Иерусалиме

Св. Град Иерусалим
Рождество Христово 1986 г.

Ф. СЕРГЕЕВ

Кратчайший политический словарь

ВЕРОВАНИЯ. В философии, выражение "верование" всегда вызывало много затруднений. Во-первых, верование, с одной стороны, отождествлялось с верой и противопоставлялось знанию, а с другой стороны считалось, что всякое знание и всякое утверждение основываются на верованиях. Для рационализма, например, верование — это очевидность прирожденных начал и форма фундамента всякого знания. Для эмпиризма, верование тоже является фундаментом знания, но постольку поскольку оно опирается, в конечном итоге, на живость чувственных впечатлений. Кроме того, можно различать понимание верований выводимых только из субъективных восприятий человека, безо всякой связи с объективной действительностью, и понимание верований как согласия с этой объективной действительностью. Первое понимание ведет от субъективизации верований к абсолютизации верующего существа, а второе ведет, например в иудаизме, а затем и в христианстве, к связи между верованием и трансцендентной истиной.

В политическом смысле, верования связывались с содержанием политических учреждений вообще и с формой верховной власти в частности.

Фюстель де Куланж, в "Древней гражданской общине", говорит: "Взгляните на учреждения древних, не размышляя о их верованиях, и вы найдете их темными, не объяснимыми... Но рядом с этими учреждениями и этими законами поставьте верования: факты тотчас станут ясными" (стр. 2,3; цит. в "Монархической Государственности" Л. А. Тихомирова). В данном случае, подразумеваются в первую очередь религиозные верования, на основании исторически неоспоримого факта присутствия религиозного начала во всех государственных образованиях древности. Однако, это не только сужает понятие верований, но и исключает как будто бы их роль во многих современных государствах, безрелигиозных, или даже атеистических.

Блюнчли пытался установить в науке четвертую форму верховной власти, "идеократию", понимая под "идеями" также и верования.

Ферреро выводит легитимность той или иной формы власти из общедействительных верований в эту легитимность. Так, говорит он, раньше было распространено верование, что только монархия является легитимной формой власти, а в наше время распространено верование в легитимность власти демократической. В этом случае, понятие верования сливается с понятием "consensus", согласия.

Ортега и Гассет такой "consensus" определяет, как "общее полное верование в определенное представление жизни и мира..." ("Одна интерпретация всемирной истории", Мадрид, 1959, стр. 190). "Теперь понятно то, что я назвал легитимностью... Кто-то легитимен — царь, сенат, консул, — когда его исполнение власти основано на компактном веровании, которым обладает весь народ, что он, в действительности, является тем, кто имеет право исполнять ее... Поэтому, когда это общее полное верование раскалывается, ослабляется или рассеивается, вместе с ним раскалывается легитимность..." (там же, стр. 174). "За распадом верований и системы нравственных норм, то есть поведения, следует немедленно распад легитимности публичной власти" (там же, стр. 226). Тогда, "нет законного государства, потому что нет состояния общего духа в обществе" (стр. 228).

Л. А. Тихомиров считает верования частью "социального фундамента государства" каковым является "нация" то есть "народ или совокупность племен, достаточно объединенных чем-либо материально и нравственно: тут имеют уже значение и территория, географические условия, условия труда, язык, верования, исторические условия и т. д." ("Монархическая Государственность", Буэнос Айрес 1968, стр. 30. Дальше — ссылки на страницы этого труда).

Верования выражаются больше всего в верховной власти, "которая есть конкретное выражение принципа, принимаемого нацией за объединительное начало" (33). "В той или иной форме верховной власти выражается дух народа, его верования, и идеалы, то что он внутренне признает, как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни" (67). Лишь, "если в обществе не существует достаточно напряженного верования, охватывающего все стороны жизни в подчинении одному идеалу, то связующей силой общества является численная сила, количественная, которая создает возможность подчинения людей власти даже в тех случаях, когда у них нет внутренней готовности к этому" (68). "Верховная власть... выражает весь дух, предания, верования и идеалы народа" (80). Одновременно, Л. А. Тихомиров считает, что "государство не может существовать без какого-либо идеократического элемента, без нравственного смысла" (138). Говоря про святого Константина Великого, Тихомиров отмечает, что он, "являлся представителем не какой-либо, хотя бы и христианской, народной воли, а выразителем народного нравственно-религиозного идеала" (143). Именно в силу этого, святой Константин явился "новым монархом", который "выступил властью верховною... но не безусловно, не абсолютно" (143).

"Для того, чтобы нравственное начало могло оказывать свое благодетельное влияние на политические отношения, необходимо, чтобы источники зарождения и созревания этики были независимы от государства. Государство есть область принуждения. Этическое начало, по существу, самобытно и свободно" (466). "Всеобъемлющий нравственный идеал может давать только верование" (468).

Ф. М. Достоевский, в "Дневнике писателя" за 1880 год, высказывает мысль, что этот "нравственный смысл" или "нравственный идеал" не только является "высшим принципом" и "объединительным началом" национальной и государственной жизни, но и учредительной силой, создающей саму национальность: "При начале всякого народа, всякой национальности, идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью".

Основатель сионизма, Теодор Герцль, тоже говорит, что "в начале — идея" (речь на Пятом конгрессе сионизма, в Базеле). В другой речи (в Берлине) он говорит об "облачении древнего народного идеала в по-

литические формы". В "Еврейском государстве" Герцль подчеркивает, что "мы признаем сами себя, как принадлежащие к одному народу, только через веру наших отцов".

Таким образом, для того чтобы определить с известной точностью понятие "верования", в первую очередь необходимо установить разницу между верованиями и идеями, с одной стороны, и верованиями и верой, с другой.

Наиболее полное исследование в этой области произвел испанский мыслитель Хозе Ортега и Гассет, в ряде своих трудов, и, главным образом, в труде "Идеи и верования". (Jose Ortega y Gasset, "Ideas y Creencias", Madrid 1968. В дальнейшем, ссылки на страницы этого издания, в нашем переводе).

В начале этого труда, Ортега отмечает, что вопрос об "идеях" человека, или "идеях" времени, является первичным требованием человека, принадлежащего к европейской культуре. Но, само понятие "идеи" неясно, так как это выражение мы можем отнести к весьма разным вещам. В первую очередь, это "неожиданные мысли", которые нам приходят в голову. Эти мысли могут иметь самые разные степени истинности, начиная от самых вульгарных, и кончая "научными теориями". Но они всегда будут своего рода "происшествиями". Они "появляются, тем или иным способом, в рамках жизни, которая существовала до них" (стр. 18).

Однако, сама жизнь, в свою очередь, обозначает "иметь дело с чем-то: с миром, с самим собой. Но этот мир и это "само собой", с которым человек имеет дело, ему являются уже под видом определенной интерпретации, под видом "идеи" о мире и о себе самом" (стр. 18). Так, "мы сталкиваемся с другим пластом идей, которые имеет человек. Но, насколько они различны от всех тех, которые у него возникают, или которые он воспринимает! Эти основные "идеи", которые я называю "верованиями"... не возникают в какой-то день и час внутри нашей жизни, мы не доходим до них путем отдельных актов мышления, они не являются мыслями, которые мы имеем, не являются домыслами, даже из высшей категории, по своему логическому совершенству, и которые мы называем рассуждениями. Полностью наоборот: эти идеи, которые в действительности являются "верованиями", образуют то, что поддерживает нашу жизнь, и поэтому не обладают характером частного содержания жизни. Уместно сказать, что они не являются идеями, которые мы имеем, но идеями, которыми мы являемся. Больше того: именно потому, что они являются самыми коренными верованиями, они смешиваются для нас с самой действительностью — они наш мир и наше бытие. — они теряют посему характер идей..." (стр. 18,19).

Таким образом, существуют два вида идей: ideas occurrentias (которые вернее всего перевести как "идеидомыслы") и ideas creencias (идеиверования). Для краткости, Ортега предлагает называть их просто "идеями" и "верованиями". В число первых Ортега включает даже "самые строгие истины науки". Их можно "творить, утверждать, дискутировать, распространять, бороться за и против них, и даже можно умирать за них. Но мы не можем жить ими. Они дело наших рук, и предполагают нашу жизнь, которая опирается на идеиверования, которые мы не создаем, которые, в общем, мы даже не формулируем себе и которые мы не дискутируем и не распространяем..." (стр. 19).

"Верования образуют фундамент нашей жизни, почву на которой она совершается" (стр. 24). Верования у человека есть, или у него их нет, но он никак не додумывается до них. Но когда в этой почве верований появляются поры, пустоты, дыры, иногда соединяющиеся в трещины, когда человек начинает сомневаться в своих верованиях, тогда ему не остается ничего другого, как попытаться заполнить эти поры своими домыслами, которые проявляются в результате сомнений в эти верования. "Идеи рождаются из сомнений, то есть в пустоте или в дыре верований. Поэтому идеи, которые мы измышляем не являются для нас подлинной и полной реальностью. Из чего виден ортопедический характер идеи: они действуют там, где верование сломлено или ослаблено" (стр. 48). Когда эти домыслы группируются в системы, они образуют идеологии (см. И. Андрушкевич, "Сущность современных идеологий. Домыслы против верований". "Наша Страна", №№ 1105, 1106, 1107, май 1971 г.).

Политическое значение верований происходит от того, что они "обыкновенно являются коллективным явлением", именно потому, что они не являются "просто мнением, идеей, теорией" (Jose Ortega y Gasset, "Del imperio Romano, Madrid, 1960, стр. 99). Другими словами, верования сами по себе коллективны, в то время как идеологии (наборы идей) получают коллективное значение лишь по принуждению (пропагандой, террором, полицией и т. д.).

Поэтому Ортега называет государства в периоды, когда они опираются на верования, "жизнью в виде свободы", в то время как периоды идеологические, он называет — "жизнью в виде приспособления" (там же, стр. 140). Поэтому все исторически устойчивые политические учреждения "инспирированы в обстоятельствах, но со дна твердых верований, которые образуют душу нации, пока нация имеет душу" (там же, стр. 141).

Таким образом, верования, как социологическое явление, шире чисто религиозных верований, хотя последние, как правило, являются ядром первых. Социологическая проекция верований подтверждается их связью с нравами (по-гречески "этос", по-латыни "морес", откуда "этика" и "мораль"). Ортега посвятил свой фундаментальный труд "Человек и люди" ("El hombre y la gente") роли нравов в обществе.

Такое понимание верований и идеологий помогает лучше уяснить политику, как внутреннюю, так и международную.

В правильной монархии, монарх символизирует единство народных верований. В аристократии, народ отбирает лучших представителей, для реализации этих верований. В республике, имеется налицо согласие, или симфония, между верованиями меньшинства и большинства. В тираннии, тиран идет против верований народа; в современных диктатурах с помощью идеологий. В олигархии, меньшинство не считается с верованиями народа. В демократии, не только отрицаются коллективные верования, но они распыляются искусственно, для того, чтобы дать место плюрализму идеологий.

Вся международная политика ведется, в конечном итоге, как отражение подспудной борьбы между отдельными верованиями, или между идеологиями и верованиями, а иногда и между идеологиями.

И. АНДРУШКЕВИЧ

выведены не были, — им, видите ли, не хватало места во всей России, гвардейские части в столицу переброшены не были, — им, видите ли, не хватало места в столице. Полиция, почти безоружная, и учебные команды насчитывали в своем составе 10.000 человек — против, по меньшей мере, двухсот тысяч ненадежного гарнизона, — НЕ считая "вооруженного пролетариата".

Петроградские заводы и склады были переполнены оружием, сработанным для действующей Армии. Это оружие практически находилось в руках "пролетариата". Советская история СССР несколько туманно указывает на то, что "рабочим удалось захватить 40.000 винтовок". Хотел бы еще и еще раз повторить: петроградский пролетариат, несмотря на всю его "революционную традицию", и н и к а к о г о участия в Февральских днях не принимал. К сожалению, в данный момент я не могу это доказать. На поверхность революционных дней выплыл какой-то н е р у с с к и й сброд, который уже п о с л е отречения Государя Императора заботился главным образом об одном: как бы внести возможно больше хаоса. По всей вероятности, всего этого мы не узнаем н и к о г д а : и немцы, которые финансировали большевиков, и большевики, которые получали деньги от немцев, сделали или еще сделают все, что только возможно, чтобы следы этой позорной коммерческой сделки уничтожить начисто. Но тысяч пять такого сброда в столице все таки нашлось.

Полиция была, в сущности, совершенно б е з о р у ж н а — револьверы и шашки. О гарнизоне я уже говорил. Оставались "учебные команды" да и те были под командованием генералов, которые повелений Государя Императора НЕ выполняли.

Государь Император был перегружен сверх всякой человеческой возможности. И помощников, — верных и культурных помощников, — у него не было. Он заботился и о потерях в армии и о бездымном порохе, и о самолетах И. Сикорского, и о производстве ядовитых газов, и о защите против еще более ядовитых "салюнов". На Нем лежало и командование Армией и дип-

— 70 —

светские салоны", и Пуришкевичи, и Керенские, и большевики, и, конечно, через большевиков, немцы. И никакого противодействия этой пропаганде не было. Весь Петербург талдычил об "усталости от войны". Совершеннейший вздор: Великую Северную войну Россия вела 21 год, Вторую Мировую Советы вели почти четыре года, — Карл XII дошел до Полтавы, Гитлер дошел до Волги, и никакая "усталость" не помешала — ни Полтаве, ни Берлину. В феврале 1917 года чисто р у с с к о й территории немцы не занимали, — если не считать небольших клочков в Белоруссии и на Волыни. Еды в России было сколько угодно, — продовольственный экспорт был прекращен, — и только в Петрограде были некоторые перебои. Но был правящий слой, который х о т е л победы, но который хотел победы д л я с е б я , а не для России и который подорвал Россию с обеих сторон. И слева, и еще больше — справа. Вот почему моя ц в е т н а я фотография не нравится никому.

**

В общем, все тонуло в болоте правящего слоя. Тонули в крови фронтовики, тонули в тревоге и неведении "бородачи", и вся Россия тонула в с л у х а х : "слабовольный Царь, истеричная Царица, влияние Распутина, немецкий шпионаж" ... И вот на этом психологическом фоне прозвучал п е р в ы й выстрел р у с с к о й р е в о л ю ц и и — убийство Распутина. Оно подтвердило самые худшие слухи: если уж такие монархисты, каким был В. М. Пуришкевич, и такие великие князья, каким был Дмитрий Павлович, берутся за огнестрельные доводы, — з н а ч и т , дело дрянь. Впечатление в низах было ужасающим: вот до чего дошло!

Так, наш правящий слой реализовал стратегическую доктрину Клаузевица-Ганнибала: охват с левого фланга, охват с правого фланга, прорыв центра, и. — с а м о у б и й с т в о .

Это было — с п р а в а . Слева шла, в частности, травля министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Если вы дадите себе труд просмотреть литературу того

— 68 —

я старался "агитировать" за начальство: шла война и "менять начальство" было не время. Я говорил "бородачам": "да, допустим, что наше начальство знает свое дело хуже немецкого, так, ведь, и ты, Иван Митрич, знаешь свое дело хуже немца". "А это почему?" "Да вот, потому, что немец снимает с десятины по двести пудов, а ты, пожалуй, и пятидесяти не снимаешь". Н а то бородачи отвечали — "да, ведь, только вчера из крепостных выпустили, магии у нас нет, подати" — словом, курейка выпустить некуда.

Моя агитация действовала плохо, или не действовала совсем. Мнение о начальстве было всеобщим — в особенности о военном начальстве. И военный министр Редигер, и редакция "Нового Времени" и солдатская масса, — о левых я уже не говорю, — все придерживались одного и того же мнения. Того же мнения, если верить ген. Мосолову, придерживался и Государь Император. В редакции "Нового Времени" была довольно туманная информация о том, что Государь Император планировал — после окончания войны, — заняться полной реорганизацией военного и административного аппарата страны. Но об этом, конечно, никто ничего конкретного не знал — были только слухи. Но, может быть, эти слухи тоже послужили толчком к дворцовому перевороту? Одно из "трагических противоречий русской жизни" заключалось именно в том, что "начальство" устарело до полного неприличия, а заменить его в те времена было еще нечем. Это есть о с н о в н о й фактор и наших военных неудач и наших революций. Стоя на троттуарной точке зрения можно, конечно, вешать всех собак на Милюкова, или все ордена на Деникина, или наоборот. Но если попытаться подняться над этой точкой зрения, то общая картина будет в достаточной степени ясна: правящий слой у с т а р е л и модернизоваться то ли не хотел, то ли не мог. Офицерский состав армии выслуживал свои лета, но не рассматривал себя в качестве профессионалов войны — он был "военным с о с л о в и е м" . Он считал себя "доблестным", прилагательное, которое

— 63 —

лове, то самым образованным человеком России был проф. П. П. Милюков: он, если верить его биографам, писавшим, правда, в его же собственной газете, знал все: от истории мидян до теории контрапункта. Что никак не помешало П. Милюкову — в 1916 году говорить о "глупости или измене", в 1917-ом звать к з а в о е в а т е л ь н о й войне, в 1919-ом вести кампанию против Белой Армии и в 1936-м звать эмигрантскую молодежь к возвращению в Россию: "бог бестактности". Государю Императору преподавали лучшие русские научные силы — и историю, и право, и стратегию, и экономику. За Ним стояла традиция веков и практика десятилетий. Государь Император стоял, так сказать, на самой верхушке уровня современности — пот, посещал же лабораторию Ипатьева и подымался на самолете И. Сикорского, был в курсе бездымных порохов и ясно видел роль авиации — по тем временам авиация считалась или делом очень отдаленного будущего или, еще проще, — прожектерской затеей. Государь Император сконцентрировал свои силы на победе — довел армию до полной боевой готовности — дело только в том, что об Его усилиях и о Его квалификациях н и к т о ничего не знал.

Я не хочу рисовать старую Россию ни в черных тонах, как это делают левые, ни в белых, как это делают правые: нужно дать не черно-белую, а ц в е т н у ю фотографию, — цвета же были очень пестрыми. С одной стороны Д. Менделеев с периодической системой элементов, И. Сикорский с "Ильей Муромцем", Циолковский, — сейчас забытый, с его ракетными двигателями: с другой стороны — Царь, который верил в Народ. И Народ, который верил в Царя. И — посредине "средостение", которое за очень редкими исключениями не годилось никуда. Думаю, что самым идиотским учреждением этих лет была все таки цензура.

До войны в России существовала полная свобода печати, — я бы сейчас сказал, гипертрофированная свобода печати. Во время войны, как и во всех воюющих странах мира, была введена военная цензура. Туда бы-

— 65 —

не говорит решительно ничего. Генерал должен быть волевым человеком, должен быть умным человеком, должен быть культурным человеком, должен знать свою профессию, — а до его доблести никому никакого дела нет. И если говорить о доблестном генерале, то это значит только то, что ничего более лестного о нем сказать нельзя.

НА ПЕРЕЛОМЕ

С конца Русско-Японской до начала русско-германской войны русская армия совершила гигантский скачок вперед. И если в Японскую войну русский артиллерийский офицер был хуже даже и японского, то в германскую он был лучше даже германского, — кажется, стал вообще лучшим артиллерийским офицером мира. Но если в 1904 году у него не было знаний, то в 1915 у него не было снарядов, — так что практически получилось то же самое. И с точки зрения "бородачей" виновато было "начальство": "а начальство чего же смотрело?" Дальше: если для "модернизации" низшего командного состава было достаточно пяти-семи лет, то для модернизации среднего нужно было лет десять-пятнадцать. Для модернизации высшего — лет двадцать-тридцать. Получалась диспропорция: чем выше по "табели о рангах", тем все хуже и хуже. Диспропорция была дана исторически: ген. А. Деникин в "Старой Армии" пишет, что его сверстники по чину жили еще психологией крепостного права, — а эта психология означает не только "социальную", но и техническую отсталость. Взяв на себя роль Верховного Главнокомандующего вооруженными силами Империи, Государь Император никак не ограничивался "ролью". Он командовал и в самом деле, оставив ген. М. Алексею только техническое проведение Его военных планов. А Государь Император был все таки самым образованным человеком России. Может быть, и самым образованным человеком мира.

Конечно, что есть образование? Если считать им запас цитат, накопленных в любой профессорской го-

— 64 —

ла записана всякая заваль из всего того, что имелось в военном ведомстве. Эта цензура не только цензурировала, она кроме того, и давила, — и официально и неофициально. Редакция посылает свой материал в цензуру, и цензор может вернуть его через час, но может вернуть и через три часа, — то-есть когда материал уже запоздал для ротационной машины. Давить на правую печать было трудно. На левую на много легче. Поэтому получался еще один парадокс — правое "Новое Время" было весьма сдержано в своих военных обзорах и корреспонденциях, — левая печать захлебывалась от военного патриотизма. В левом "Русском Слове" растрига Г. Петров стал военным корреспондентом и обозревателем, и сам, единолично побил и в полон забрал в три раза больше немецких солдат, чем их существовало в реальности. Мой подсчет по этому поводу цензура все-таки зарезала. Блестящий рождественский рассказ А. М. Ренникова в "Новом Времени" в 1916 году был посвящен раскаявшемуся военному корреспонденту. Словом, в печати установился тон, которому уж решительно никто не верил, примерно тот тон, какой ныне принят в некоторых органах печати по адресу Белых Армий: доблести хватило бы на весь мир, а война, извините, все таки, проиграна. К осени 1916 года русская армия была, наконец, вооружена. Ген. В. Ипатьев пишет (стр. 554):

"Войну мы свободно могли продолжать еще очень долгое время, потому что к январю и февралю 1917 года мы имели громадный запас взрывчатых веществ в миллионах различных снарядов и, кроме того, более миллиона пудов свободных взрывчатых веществ".

Кстати, этот подъем русской химической промышленности — из почти ничего до миллионов пудов — был сделан усилиями частной промышленности, а не казенной. В 1915 году частные заводы повысили свою продукцию с 1,4 тыс. пудов в феврале до 74,0 в октябре. Казенные за то же время — с 5,0 до 11,5 (там же стр. 454).

— 66 —

времени, или литературу о том времени, то, вероятно, вы отметите странную черту: вся атака левых — против А. Д. Протопопова. Никаких мало-мальски конкретных обвинений ему не предъявлялось. Кроме одного: он, де, был "распутинским ставленником". До его назначения министром, он был избран товарищем председателя Государственной Думы. Что ж, и Государственная Дума избирала его под распутинским влиянием? Его считали "изменником своему лагерю", — на этот раз левому. Дело же заключалось в том, что А. Протопопов был, может быть, единственным свежим человеком среди рухляди правящего слоя, и именно он докладывал Государю Императору о настроениях петроградского гарнизона и о том, что положение в Петрограде "является угрожающим". На основании этой информации, Государь Император повелел ген. В. Гурко убрать из столицы ненадежные части и заменить их гвардейскими частями с фронта. С. Ольденбург пишет (стр. 240):

"Ни градоначальник, ген.-майор Балк, ни командующий войсками Округа, ген.-лейтенант Хабалов, не считали положение дел угрожающим. Ни ген. Гурко, ни ген. Балк, ни ген. Хабалов повеления Государя Императора не выполнили, сославшись на то, что в казармах совершенно нет места, а запасные батальоны некуда вывести".

Итак: об "угрожающем положении" докладывал Государю Его министр. Об этом положении французскому послу говорил ген. В. Об этом положении практически говорил весь Петроград. И три генерала не могли найти места для запасных батальонов на всем пространстве Империи. Или места в столице Империи для тысяч двадцати фронтовых гвардейцев.

Это, конечно, можно объяснить и глупостью. Это объяснение наталкивается, однако, на тот факт, что все в мире ограничено, — даже и человеческая глупость. Это была и з м е н а . Заранее задуманная и заранее спланированная. Маршевые батальоны из столицы

— 69 —

Это еще одна иллюстрация к вопросу о государственном "общественном" хозяйстве и о частной "капиталистической" инициативе. Отсутствие частной инициативы — и во время мира, и во время войны — оплачивается миллионами человеческих жизней и голодом для остающихся миллионов.

Государь Император относился с величайшим вниманием к мобилизации или, точнее, к стройке русской военной промышленности — отдавая этому делу и массу внимания и громадные средства, но главная техническая заслуга лежит, все-таки на А. Гучкове и В. Ипатьеве. Если А. И. Гучков был, конечно, душой и мозгом февральского переворота, если ген. В. Ипатьев сейчас повторяет клевету на Царскую Семью, — то это никак не исключает огромной организационной работы и А. Гучкова и В. Ипатьева для вооружения русской армии. Чернобелую фотографию — даже еще и на контрастной бумаге — я предоставляю прессе, предназначенной для троттуарного уровня.

Во всяком случае, к зиме 1916 года и, тем более, к весне 1917 г., русская армия была, наконец, вооружена до зубов. И об этом и л ь з я было писать. Н е л ь з я было сказать и стране и армии и петроградским "бородачам", что теперь уж русский артиллерист имеет достаточное количество артиллерии и что он уж не подведет, что это есть, все-таки, лучший артиллерист в мире и что за ним где-то лежат "миллионы снарядов". В цензуре сидели, конечно, гениальнейшие генералы старого времени, — и они предполагали, что обо всем этом немецкая разведка, которая пронизывала весь Петроград, не имела никакого представления. Как документально выяснилось впоследствии, немецкая разведка имела не только общее представление, но и точные цифры. А, вот, ни страна, ни армия, ни "бородачи", ничего этого не знали. Предыдущая же "ура-патриотическая" пропаганда подорвала всякое доверие и к тем намекам, которые все таки просачивались в печати.

Словом, сидели набитые, как сельди в бочке, "бородачи", и среди них вели свою пропаганду и "велико-

— 67 —

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Конфликт левой интеллигенции с наукой

В передовице парижского журнала "Ле Нувель Обсерватер" от 28 ноября 1986 года, небезызвестный левый интеллигент и посредственный литератор Жан Даниэль ополчается против науки.

Наука виновата в том, что перестала служить интересам его группы. Люди как он готовы были превозносить науку, пока та была проникнута духом материализма, пыталась объяснить мир как механизм и давала им аргументы, которые казались тогда возможным обратить против религии. Но вот беда! нынешние ученые, — по крайней мере, на самых верхах науки, — говорят совсем иное, почти отрицают материю и улавливают за сцеплением атомов некую загадочную организующую силу.

Однако недовольство мсье Даниэля вызвано даже не этими мотивами, а иными, куда более примитивными. "Наука" — восклицает он — "становится на службу морали!"

В данном случае, собственно, он имеет дело не с наукой вообще, а с медициной; которая, как он жалуется, утверждает: "Наркотики, это путь к безумию. Алкоголь ведет к деградации личности. Табак вызывает рак. Секс причиняет ЭЙДС".

"Зачем же тогда и жить?" — риторически вопрошает оскорбленный в своих лучших чувствах либертинец, повторяя слова анекдотического врача пациенту, который сказал ему, что не пьет, не курит и не ухаживает за женщинами.

Но что делать? Войдите в положение медиков, господин Даниэль! Ни один доктор не может всерьез объявить, что наркотики полезны для здоровья. Жизнь слишком ярко доказывает обратное.

Насчет же остального, нет нужды чересчур драматизировать положение вещей. Умеренное употребление спиртных напитков не приносит вреда; вот злоупотребление ими ведет к катастрофе. Курение не полезно; но опасность рака легких грозит в первую очередь тем, кто расходует коробку и больше папирос за день.

Что же касается до ЭЙДС, все более выясняется, что это есть специфическая болезнь гомосексуалистов, то есть касающаяся даже не половых злоупотреблений, а прямо — половых извращений.

В том же самом номере журнала, — который в значительной мере посвящен новому заболеванию, — врачи успокаивают публику, заверяя, что заразиться ЭЙДС внеполовым путем почти невозможно.

Существовала опасность инфекции через переливание крови; но сейчас оную предварительно проверяют. Заболевают наркоманы, пользующиеся одним шприцем на целую компанию для всприскиваний, если среди них оказывается пораженный болезнью. И тут тоже довольно элементарной осторожности, чтобы себя предохранить (употреблять отдельный и чистый шприц).

Наконец, даже о гомосексуалистах исследователи констатируют, что в первую очередь, — почти наверняка и неизбежно, — заражаются те, которые часто меняют партнеров. Женщина же становится передатчиком недуга только если имеет сношения, помимо нормальных мужчин, также и с гомосексуалистами.

Так что рекомендуемые медицинской самоограничения нельзя сказать, чтобы были тяжелыми. А изменить их нельзя никак: честная наука не лжет; это ее главное свойство.

Жан Даниэль, — человек, впрочем, сам уже и не очень молодой, — горячо заявляет от имени французской молодежи, что не хочет молчитаться ни с какими запретами. Что ж, если он такой храбрый, — дело его; но за других бы ему говорить не следовало.

Медицина, служа своей главной цели, — облегчать страдания и продлевать жизнь, — косвенно содействовала разврату, излечивая весьма эффективно венерические болезни. Они всегда оставляют роковой след, но наиболее тяжелые их последствия теперь могут быть предотвращены.

Однако, ЭЙДС — явление иного порядка. Найдут ли против нее со временем лекарство — неизвестно; но, во всяком случае, — не скоро. А пока, — заболевший обречен на быструю и неприятную смерть.

Французы же — народ весьма практичный, включая и молодежь. Можно предполагать, что большинство станет избегать, тех дорог, на которых караулит страшный призрак вооруженного косою скелета.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ВТОРОЕ ОБРАЩЕНИЕ К РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Дорогие друзья соотечественники!

В последнем (54) номере "Новостей Конгресса русских американцев" дано краткое сообщение о моем "деле".

Указывая, что по "делу" моему подана апелляция и что предстоят дальнейшие расходы по оплате адвокатов, редакция "Новостей" обращается ко всем с призывом:

"Так как предстоят дальнейшие расходы, просьба ко всем продолжать Вашу поддержку, присылая максимальные пожертвования с указанием, что они предназначаются в Фонд защиты гражданских прав Конгресса русских американцев".

Принося снова свою глубочайшую благодарность Главному Правлению Конгресса русских американцев, создавшему Фонд, принося глубочайшую благодарность всей русской эмиграции, оказавшей мне и моей жене всемерную моральную и материальную поддержку (без этой поддержки на нас давно бы обрушилась финансовая катастрофа), принося снова глубочайшую благодарность каждому — другу, знакомому и вовсе не знакомому русскому эмигранту, — обращаюсь снова ко всем с просьбой о финансовой помощи.

Всем, кто откликнется на этот призыв, земной поклон!

С сердечным приветом
В. Д. СОКОЛОВ-САМАРИН

Чеки и почтовые переводы ("моней ордера") просьба *выписывать* на: С. R. A. — Civil Rights Defence Fund, INC. и *посылать* по адресу: Congress of Russian Americans, INC., P. O. Box 818, NYACK NY, 10960, USA.

В Аргентине

ЗАКОН "КОНЕЧНОЙ ТОЧКИ"

Конец 1986 года в Аргентине прошел под знаком спешно принятого парламентом правительственного законопроекта об ограничении сроком в 60 дней открытия судебных дел против лиц, подозреваемых в нарушении уголовных законов во время борьбы с подрывными террористическими организациями в Аргентине между 1976 и 1983 годами.

Этот закон, в печати часто называемый законом "конечной точки", предусматривает, что если в течение ближайших 60 дней не будет возбуждено перед военными или федеральными судами страны обвинение против тех или иных конкретных военных или гражданских лиц в каких-нибудь преступлениях во время этой борьбы (правительство избегает выражения "войны"), то уже после этого срока, эти преступления будут считаться просроченными за давностью. Однако, если до истечения этого срока такие обвинения будут сформулированы, и на основании этих обвинений будет начато судебное дознание с допросом обвиняемых лиц, то эти преступления не будут считаться просроченными.

Радикальное правительство, находящееся уже больше трех лет у власти, с самого начала проявило себя активно в расследовании возможных преступлений во время вышеуказанной борьбы. Для этого им была создана специальная комиссия, были изменены процессуальные законы, военные суды второй инстанции были превращены в суды первой инстанции по этим делам, с превращением федеральных уголовных палат в суды второй инстанции, были изданы правительственные декреты, предписывающие возбуждение судебных дел против девяти главнокомандующих вооруженных сил во время борьбы с подрывными организациями и т. д.

Во всех этих акциях, правительство получало большую поддержку не только от своих сторонников, но и от многих так называемых "право-защитных организаций". За исключением, однако, организации "Фамус", объединяющей родственников и друзей убитых в свое время террористами военных, полицейских и гражданских жертв. В частности эта организация утверждала, что правительственные декреты предписывающие пересмотр борьбы с подрывными террористическими организациями несправедливо и незаконно ограничивают этот пересмотр только лишь определенным периодом, не распространяя его на время до 1976 года, когда, еще при конституционном правительстве, террористические организации совершили тысячи преступлений, в том числе и убийств совершенно невинных лиц.

Когда же теперь правительство внесло в парламент свой законопроект об ограничении во времени начинания новых дел, из среды самой правительственной партии и многих левых организаций раздались голоса протеста. Правительство указывало в ответ, что уже прошло три года, с тех пор, как стало возможно возбуждать судебные дела против возможных нарушителей законов во время борьбы с подрывными организациями, и что теперь уже наступил момент, чтобы забыть прошлое, и обратиться к будущему. (Интересно, что в Бразилии, где у власти находились в течение 20 лет военные правительства, новое гражданское правительство с самого начала заявило, что Бразилия "смотрит вперед, а не назад").

Как бы то ни было, с помощью строгого применения фракционной дисциплины в парламенте, проект был принят. Однако, оставался висеть в воздухе вопрос, почему вдруг у правительства появилась такая спешка?

На этот вопрос пытается ответить независимая экономическая газета "Эль Амбито Финансиеро", в номере от 2 января с. г. В ней отмечается в статье на первой странице, что почти никто не обратил внимание на содержание третьего параграфа этого закона "конечной точки", в котором предписывается, что к членам вооруженных сил, полиции и тюремной охраны, находящихся на действительной службе, в случае ареста или предварительного тюремного заключения в связи с судебным пересмотром борьбы с подрывными организациями, должно применяться предписание 315 параграфа свода военных законов. На практике это обозначает, что указанные лица впредь не смогут быть помещены в обыкновенные тюрьмы, вместе с уголовными преступниками, и что их непосредственные начальники будут решать где и как они будут держаться под арестом, в случае необходимости.

Газета отмечает, что за последних три года суды всяческими способами откладывали арест военных и полицейских служащих на действительной службе, но что в конце прошлого года появились случаи, когда уже больше не было возможности этого делать. Однако, начальник генерального штаба армии, генерал Риос Эренью и вместе с ним все генералы высшего командования якобы заявили — как пишет "Амбито Финансиеро", — что в случае ареста военнослужащих на действительной службе и помещения их в тюрьмы вместе с уголовниками, они подадут в отставку, так как "при таких условиях будет невозможно возглавлять армию". Чтобы предотвратить такое положение и был проведен спешно закон "конечной точки", в котором, как бы, между прочим, дается законное основание для возврата к действию военных законов (столетней давности) в случаях арестов военнослужащих на действительной службе. По крайней мере, так утверждает цитированная газета.

П. Н.

ОБРАЩЕНИЕ СВ. ВЛАДИМИРСКОГО ХРАМА-ПАМЯТНИКА

Дорогие о Господе братие и сестры!

"С нами Бог, разумеете, языцы и покоряются: яко с нами Бог".

Прошел Рождественский пост и в Навечерии Рождества Христова услышали мы эти ободряющие слова. А чтобы Бог был с нами, полюбим Его, как это сделал наш просветитель святой равноапостольный князь Владимир.

Мы обращаемся ко всем верным помочь нам своей усердной лептой в происходящем ремонте храма и его росписи; в наружных цементных работах; в необходимой штукатурке стен храма; в подготовке их к росписи, начатой после Троицы; в сооружении креста из нержавеющей стали при входе в храм.

Пусть наша жертва хоть в малой мере будет напоминать щедрость святого Владимира при сооружении им церквей. (Десятинная церковь в Киеве).

"Господи, возлюбих благолепие дому Твоего, и место селения славы Твоея". (Пс. 25,8).

Протоиерей БОРИС КИЦЕНКО
Настоятель Храма-Памятника

Просим посылать пожертвования по адресу: St. Vladimir Church P. O. Box 143, JACKSON NJ, 08527, USA.

По иностранной прессе

В газете Сербской Патриархии "Православие", в номерах 472 и 473, от 15 ноября и 1 декабря 1986, была опубликована статья под заглавием "По поводу 50-летия смерти. Блаженнейший Антоний, митрополит Киевский и Галицкий (1863-1936)", в которой содержится ряд интересных данных о Русской Православной Церкви за границей. Ввиду их интереса для наших читателей, воспроизводим краткие выдержки из этой статьи, в переводе с сербского на русский язык:

"Последних 16 лет своей жизни на этой земле, митрополит Антоний провел далеко от своей любимой России, добросостоянию которой он посвятил всю свою жизнь. Из них он пробыл 15 лет в Югославии, в Сремских Карловцах, под крылом Сербской Православной Церкви. Все те счастливы, которые его хорошо знали, так как годами находились вблизи его... а еще больше те, которые в ежедневном общении собирали крохи с пребогатой трапезы его мудрости, свидетельствуют и выставляют, что Ава Антоний в эти годы постиг дар видения, и что его лицо часто орошалось слезами... Это были слезы верного сына, над великой матерью — Русской Церковью, рыдающей в крови, слезы русского иерарха над трагедией его великого, когда-то богоносного народа. А трагедия достигла поистине апокалипсических размеров: после потери 2 миллионов людей в Первой Мировой войне и сотен и сотен тысяч в вихрях гражданской войны, Россия теряет цвет своей церковной, научной, военной и артистической интеллигенции (... из них... около 35.000 в Болгарии, больше 30.000 в Югославии, ... всего около 2 миллионов в больше чем 25 странах, как утверждает в 1922 году М. П. Милуков...) ..."

"... В книге Л. К. Шпаренкова "Агония белой эмиграции" (Москва, 1986), указано, что в середине ноября 1920 года, ... в течение каких-нибудь 4 дней, покинуло Крым около 170 кораблей. Согласно данным Г. К. Раковского, участника эвакуации ("В таборе белых", Царьград,

1920), на кораблях было около 200.000 людей... Владыка Антоний прибыл в Царьград 19 ноября, и с тот же день устроил на корабле первое заседание Высшего церковного управления. После восьмидневного карантина, он перешел на квартиру архиепископа Анастасия Кишневского, хотя ему, как великому иерарху, папский пронуций Долчи предложил от имени Св. Престола устроиться и жить у себя в царьградской резиденции... Но сейчас после эвакуации, он был настолько подавлен, что даже считал, что нет необходимости сохранять отдельную русскую Церковь, так как русские должны присоединиться к той Церкви, на чьей территории они находятся. Между тем, митрополит Дорофей, "местоблюститель" престола Вселенского патриархата считал, что такая уважаемая и известная личность, как Владыка Антоний, ввиду большого числа русских (не только в Турции, где их было больше 300.000, но и ввиду других, рассеянных по миру), должен возглавить ту часть Церкви, которая отделена от матери. После разбора этого вопроса в Синоде, 22 декабря 1920 года была издана Грамота Вселенской Патриархии (номер 9084), которая позволяла русским иерархам справлять независимо свои обязанности по отношению к своей пастве (кроме бракоразводных дел). Была найдена и каноническая основа для такого решения: 39-е правило Шестого Вселенского Собора, по делу кипрского епископа Иддана, который "был вынужден вместе со своей паствой покинуть свой Кипр, перед варварским вторжением". ... Владыка Антоний решает принять вызов Патриарха Димитрия (Сербского) и регента Александра, и Высшее церковное управление перемещается в Сремские Карловцы. Так митрополит Антоний в середине февраля 1921 года уехал в Югославию, где он провел остаток своей жизни. Уже в июле этого года состоялось собрание Высшего церковного управления, с участием большого числа архиереев..."

А. Н.

GLOBUS A Slavic Bookstore

332 Balboa St. SAN FRANCISCO
CA 94118 Tel. (415) 668-4723

Предлагает новые и старые книги, опубликованные эмигрантскими издательствами, журналы и газеты, а также открытки, пластинки и кассеты.

Выполняет работы по переплету и реставрации книг.

Каталог высылаем по требованию.

А также снова возобновилась продажа единственной еженедельной монархической газеты "Наша Страна".

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ И. Л. СОЛОНЕВИЧА

В "Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:

от Т. И. Опульской — 100.- ам. долл.,
от О. Г. Кудиновой — 200.- нем. марок,
от С. С. Яунзем — 80.- ам. долл.,
от Ник. С. — 5.- австр., от Б. С. Бровцына — 25.- ам. долл., от Л. Аланаскевича — 5,40 ам. долл., от М. Н. Чеховой — 4.- ам. долл., от М. Косович — 4.- ам. долл., от В. И. Р. — 300.- ам. долл., от Н. Н. — 358,40 ам. долл., от К. Н. Фадеева — 74.- австр., от о. Б. Кищенко — 10.- ам. долл., от Н. В. Казаковой — 20.- ам. долл., от г-жи Зайковской — 10., австр., от Г. Михайловского — 40.- ам. долл.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 0,50. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "мoneй ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

Трибуна Читателя

ИЗ ВОСПОМИНАНИИ

Лет сорок назад в Шампиньи под Парижем сидели в крошечной квартирке Мельгуновых, Владимир Рудинский, моя жена и я.

Сергей Петрович Мельгунов, историк революционных лет России, автор четырехтомного труда, составляющего около двух тысяч страниц, был членом сравнительно безобидной партии народных социалистов. Прасковья Евгеньевна Мельгунова была гораздо более решительной революционеркой чем ее муж. Но он и она, мне кажется, сожалели о своей прошлой деятельности в России до 1917 года. П. Е. мне прямо сказала: нельзя было требовать отречения Государа во время войны.

В Париже, в 1945 году, Мельгуновы оказались единственными, которые подали свой голос против советской власти в весьма решительных статьях, которые Мельгунов стал печатать в журнале "Свободный Голос", редактором и основателем которого он был.

Советский комиссар Богомолов, который назывался "послом СССР" в Париже потребовал закрытия "Свободного Голоса". Тогда префект полиции Парижа дал знать Мельгунову: "я обязан закрыть вам журнал, но если вы согласитесь менять название его при каждом новом выпуске, тогда мы не сможем ничего сделать". Так появилась целая серия журналов под названиями: "Свободная Мысль", "Независимая Мысль" и т. д.

Мельгунов хотел иметь поддержку русских людей в Париже, в том числе и только что бежавших с помощью немцев русских людей из России, к которым принадлежали В. Рудинский и я.

Встречались мы у Мельгуновых и с сыном верховного правителя России адмирала Колчака.

Последнему русскому царю Мельгунов посвятил большой том своих исследований под названием "Судьба Императора Николая Второго после отречения", за что он подвергся ostracismу со стороны левых элементов Нью Йорка того времени: Вишняка, Аронсона, Абрамовича, Николаевского, Керенского и особенно Гуля. Р. Б. Гуль изливает потоки жгучей ненависти к Мельгунову в последнем номере "Нового Журнала", вышедшем уже после его смерти.

А теперь кое-что о другом. Германская армия на оккупированной советской территории способствовала открытию православных

церквей, но русские боятся о том говорить. Боятся кого? В Пятигорске, где я находился с июня 1942 до января 1943 года, германское командование выдавало жалование эвакуированным из Петрограда профессорам, меня причислили к тому же списку.

Когда немцы отступали после тяжелого поражения на Волге у Царицына, около Пятигорска они поставили огромные эшелоны товарных вагонов, недалеко от станции Минеральные Воды, для русских желающих бежать из советской России. Я был с семьей в одном из этих вагонов и еще тогда мечтал о победе Германии. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что у немцев, вероятно, не было тех целей в отношении России, которые им приписывают и, поэтому, был прав генерал А. А. Власов, когда мне сказал: "я не держу за пазухой камня против немцев", осенью 1943 года, под Берлином, когда я имел с ним свидание.

Я считаю своим нравственным долгом сказать: я благодарен Вермахту и его Верховному Главнокомандованию за то, что они меня вывезли из России.

Б. Бровцын (США)

ЯЛТА

В "Н. С." № 1876 в разделе "Печать" уже критиковалась статья Л. Донатова в "Русской Мысли" от 13 июня с. г. о жертвах Ялты. Добавим к этому еще одно возражение. Л. Донатов пишет что "Роковую роль сыграли ялтинские соглашения, по которым Черчилль и Рузвельт обязались вернуть лиц, скомпрометированных сотрудничеством с врагами".

На самом деле в тексте ялтинского соглашения сказано: "Все советские граждане, освобожденные войсками, действующими под союзным командованием, будут, незамедлительно после их освобождения, отделяться от вражеских военнопленных и содержаться отдельно от них в лагерях или сборных пунктах до момента передачи их советским властям в пунктах, согласованных между этими властями".

Таким образом, ни о "лицах, сотрудничавших с врагом", ни тем более о насильственной выдаче в ялтинском тексте не было сказано. Странно, что "Русская Мысль" этого не знает.

Е. Кармазин (Франция)

Языковые Уродства

П С Е В Д О И Р Л А Н Д Е Ц

Совершая свойственную малокультурным читателям ошибку, Г. Андреев в "Русской Мысли" воспринимает фамилию американского писателя, блестящего новеллиста О. Генри (1862-1910) как ирландскую О. Генри и пишет ее О'Генри, на манер таких как О'Коннелль или О'Фланган. На деле, Вильям Сидней Портер, предпочитая выступать в печати под псевдонимом, избрал себе имя О.

Генри, создавая публике иллюзию, будто его зовут Оливер или Оскар Генри.

Впрочем, заблуждение Г. Андреева разделяют и многие иные журналисты, в других местах. Настолько, что создается как бы род традиции для русской прессы за границей. Почему бы нет? Но все же восстановим правду: на его книгах, как роман "Короли и капуста", и сборники рассказов ("Шуми город над подземкой" и другие) стоит в подлиннике, как указание имени автора, О. Henry, а не О'Henry.

Аркадий Рахманов

Correo ARGENTINO
Sucursal 30 (B)

Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Interes general. Conces.No. 3980